

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 122/129
DOI 10.20339/AM.01-23.018

М.Д. Купарашвили,
д-р филос. наук, профессор
кафедра философии
Омский государственный университет
имени Ф.М. Достоевского
e-mail: kuparashvili@rambler.ru

СВОБОДА: СТАРЫЕ ИСТИНЫ ТРЕБУЮТ ПЕРЕОТКРЫТИЯ

Этот более чем беглый анализ понятия «свобода» является попыткой не только охватить актуальные способы его прочтения, интерпретации, но и обосновать необходимость раскрытия его содержания в понятных современнику словах. Свобода как сугубо человеческое явление, тесно связанное с духовно-нравственным сознанием, предписывает личности самодостаточность и отсутствие принуждения в действиях и помыслах. Реализация принципа самоограничения через свободу воли открывает богоприродную сущность человека. Статья никак не может претендовать на полноту фиксации аспектов актуальности и глубины анализа заявленных направлений. Важно лишь то, что философское переосмысление свободы – требование дня. Старые истины требуют переоткрытия. Другими словами, прежние способы присвоения данной, безусловно базовой ценности общества в современной действительности находятся в нерабочем состоянии. Следовательно, требуются новые способы анализа и обоснования содержания понятия, новые языковые формулировки, так как в уразумении сакрального значения свободы скрыта тайна непреходящей ценности человека.

Ключевые слова: свобода воли и выбора, свобода и сознание, самоограничение, суверенность мышления, ответственность, богоподобие, грех, праведность, Закон Моисея, благодать.

FREEDOM: OLD TRUTHS NEED TO BE REDISCOVERED

Mzia J. Kuparashvili, Dr. Sc. (Philosophy), Professor, sub-faculty of Philosophy at Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky, e-mail: kuparashvili@rambler.ru

This more than cursory analysis of the concept of "freedom" is an attempt not only to capture the actual ways of reading and interpretation, but also to justify the need to disclose its content in words understandable to a contemporary. Freedom as a purely human event, closely connected with spiritual and moral consciousness, prescribes self-sufficiency and the absence of coercion in actions and thoughts to the individual. The realization of the principle of self-restraint through free will reveals the God-natural essence of man. The article cannot claim to be complete in fixing the aspects of relevance and depth of analysis of the stated directions. What is important is that rethinking the philosophical meaning of freedom is a requirement of the day. Old truths require rediscovery. In other words, the previous ways of assigning this, of course, basic value to society in modern reality are in an inoperative state. Consequently, new ways of analyzing and substantiating the content of the concept, new language formulations are required, since the understanding of the sacred meaning of freedom is secretly hidden by the eternal value of a person.

Keywords: Freedom of will and choice, freedom and consciousness, self-restraint, sovereignty of thought, responsibility, godlikeness, sin, righteousness, the Law of Moses, grace.

Введение

Каждая эпоха вырождается на критическом этапе размывания моральных связей в социуме, и это абсолютная историческая аксиома. Нивелировка этического категориального аппарата и девальвация нравственного поступка – прелюдия фундаментального разлада общественного порядка и разрушения эпохального стиля мышления. И это тоже

исторический факт. Не секрет, что в современных формах деятельности, коммуникативных практиках и в перспективных конструкциях будущего отсутствуют термины этического содержания. Редкие из них, сохранившиеся в нашем языке, носят откровенно искаженный, если не извращенный характер, и напрочь отрицают сущность самой этики.

Досужие разговоры о новой, практической, прикладной этике лишь подтверждают факт осмысления необходимо-

сти моделирования другой этики — более адекватной для решения тех грандиозных проблем, в которые нас загнала наша цивилизация, перспективная наука и легитимный модус рациональности. Однако работающий вариант прикладной этики можно создать лишь на базе глубокого осмысления не только классической этики, но и ее фундаментальных основ. Это позволит реинтерпретировать ее категориальный аппарат без утраты онтологических смыслов, изменение которых чревато расчеловечиванием сакральных смыслов этики, и станет гарантом родства нового человека с прошлым в измененном до неузнаваемости мире. С высоты нашего времени совершенно не просматривается период, когда из прикладного разнообразия морали оформится обобщенная теоретическая и жизнеспособная версия новой этики как системы ценностей, способной стать универсальным инструментом внедрения стандартов мысли и действия общечеловеческого значения.

Современное практическое понимание свободы — важнейшая категория жизнедеятельности любой сферы реальности человека. В аналитической литературе с ней можно встретиться и в открытом, и в латентном применении. О каких бы социальных благах или проблемах ни говорили, все они так или иначе связаны с понятием свободы. Следовательно, речь идет о фундаментальном феномене социальной и интеллектуальной реальности.

Философские трактаты о свободе вряд ли можно считать. О ней все сказано в разных эпохах, направлениях, выражениях. Платон видел свободу человека сквозь призму государственных нужд. В его обществе она была сводима лишь к самоопределению человека [1]. Аристотель связывал свободу с политической справедливостью, которая в принципе возможна лишь между гражданами одного государства, т.е. равными в правах людьми [2]. Энциклопедисты XVIII в. в качестве объективного основания свободы принимают природу, естество.

При всех возможных ошибках разума человек обладает тем естеством в себе, что объединяет его истинную природу с элементами его исторического происхождения. Чем ближе люди к естественным законам, тем совершеннее общество и человек в нем. Хорошие законы создает лишь природа — законодатель только обнаруживает их. Кодекс природы является могущественным кодексом. Д. Дидро верил, что нормальным потребностям и стремлениям предшествует природная конституция человека. Именно поэтому природное остается в силе, т.к. конституция человека остается неизменной; «Естественный человек» — вовсе не измышление человеческого ума, в нем отражается вечный разум [3].

Столь настойчивое укоренение естественной свободы в социальную, политическую, государственную сущность че-

ловека не всегда востребовано эпохой и воспринимается как досадное препятствие в достижении личной свободы.

Принципиальное иное мнение имеет И. Кант, утверждающий, что свобода от законов природы есть «освобождение от принуждения, но также и возможность не руководствоваться какими бы то ни было правилами... Если бы свобода определялась законами, она была бы уже не свободой, а только природой. Следовательно, природа и трансцендентная свобода отличаются друг от друга как закономерность и отсутствие ее» [4. С. 421]. Согласно Канту, свободу необходимо толковать в пространстве трансценденции человека. Трансцендентальную свободу надо мыслить как «независимость от всего эмпирического и, следовательно, от природы вообще, рассматривают ли ее как предмет внутреннего чувства только во времени или как предмет внешних чувств в пространстве и времени вместе» [5. С. 425].

Однако как природная, так и трансцендентная интерпретация свободы неприемлемы для современника. Природное скорее мешает ему в реализации его социальной сущности, а от трансценденности остались лишь трансвеститы и транссексуалы. Вопрос как феномена, так и понятия «свобода» совершенно не очевиден нашему современнику. Можно сказать больше: так или иначе современник знает данное понятие в юридическом смысле, в контексте которого оно толкуется как умение обходить закон. Сам факт этого «обхода» расценивается как свобода. При этом отдельно стоит отметить, что прежние клише восприятия данного феномена не утратили ни актуальности, ни смысловой значимости, и все еще сохраняется их понимание в сфере *должного и желаемого* (но не в сфере практичного и действительного). Особенности и специфика новомодного толкования слов «плюрализм», «либерализм», «демократия», «неприкосновенность», «выбор», «независимость», «суверенное право», «толерантность» и др. укоренены в онтологии свободы, но отсутствие понимания ее метафизической, трансцендентной сущности упрощает все возможные интерпретации и способы понимания, сводит их к произволу и инсинуациям.

Кроме того, рассмотренное в рамках разных социальных сфер (политической, юридической, экономической, религиозной), понятие «свобода» объективно предлагает разное прочтение, что делает его комплексное, единое и непротиворечивое представление предметом особого интеллектуально-духовного труда, связанного с глубокой философской рефлексией понятия, демонстрацией его непреходящей ценности в деле сохранения человека как уникального явления. Долгие годы преподавательской практики не раз выводили автора на проблему злободневного непонимания студентом вопросов, связанных со свободой. И тем не менее в последние годы ситуация стала катастрофической. Новые поколения все хуже и хуже относятся

к необходимости понимания свободы: от «не понимаю», через «я так считаю», «по-своему толкую», «смотря откуда смотреть» к «не хочу понять», «это неважно». Так, вместе с отсутствием понятия уходит и то, что им обозначается, тем самым исключая из рефлексии фундаментальную характеристику человека. Чтобы создать полноту понимающего пространства и раскрыть тему, а главное, предложить сумму более чем простых аргументов, я обращусь к жанру «ab ovo», который поможет показать, как могли бы работать известные фундаментальные основы бытия в наличных условиях, ведь этика — наука о том, как должно быть, а не о том, что есть.

Основная часть

Очевидно, что начинать нужно с констатации основного положения: **свобода — сугубо человеческое событие**. У животных ее быть не может. Животный мир строится на эффективной генетической программе, зафиксированной в молекуле ДНК, которая определяет инстинктивное поведение животных. В этом контексте человек — не только иной вид животного, но принципиально *другой способ существования*. При вполне работающей ДНК человек определен нормами социально безопасного и предсказуемого поведения, а не генетической программой. Вместо генетической инструкции и наследственности человек детерминирован преемственностью прежних эпох и поколений, гарантирующих сохранение культурно-исторического наследия.

Отсутствие генетической предопределенности раскрывает человека как незаконченную (Творцом или природой), но функционирующую систему. Данное обстоятельство осознается как некоторый изъян или несовершенство человека в качестве биологической системы. Между тем именно это состояние определяет его как систему открытого типа, то есть систему, которую необходимо «доработать» до эталонного состояния по ходу развития (лишь при желании и по усмотрению самого субъекта). Уже в этом факте несовершенства, незавершенности можно разглядеть своеобразную свободу в виде доступа к процессу определения сущности: человеку предписано принять активное участие не только в собственной организации и реорганизации, но и в целенаправленной трансформации природной среды обитания и в конструировании социальной среды, что не позволено ни одной биологической системе. Следовательно, для того чтобы говорить о свободе, необходимо связать ее исключительно с человеком. Во всех иных смыслах содержание понятия не имеет *собственного* значения и употребляется в переносном смысле, что, как показывает практика, нередко становится основной причиной девальвации содержания понятия.

Столп свободы — сознание. Чтобы подтвердить и подкрепить предыдущий пункт, необходимо отдельно напомнить о наличии чрезвычайно важной, предопределяющей связи свободы с сознанием. Сам феномен сознания, который вполне заслуженно носит статус человекотворящего признака, производный от сути свободы. Только в процессе осуществления своей (Богом или природой данной) свободы человек приходит к сознанию, осознанию себя как субъекта свободы. И если оформление человеческой сущности так тесно связано со свободой, то, следовательно, от факта правильного постижения человеком смысла ее данности не может не зависеть его будущее.

Начнем с того, что сознательными люди не рождаются. Сознание — прижизненное приобретение (начинает складываться с 3-х лет и по биологическим рамкам разворачивается полностью к 21 году, до оформления самосознания, естественно, с учетом индивидуальных особенностей высшей нервной деятельности субъекта). Далее необходимо отдельно указать на общеизвестный факт связи сознания с коллективной (социальной) сущностью человека и речевой деятельностью (сознание — разделенное с другими знание). Если ребенок не вырастает среди себе подобных, природа включает задний ход — все предрасположенности к возникновению речи и сознания исчезают, открытая система отменяется. А в закрытых условиях вообще никогда не появляется ни сознание, ни речь, ни свобода.

Каверзные вопросы: «Что есть сознание? В чем его сущность? Как оно возникает? Какова материальная (физиологическая) основа и каков носитель сознания?» — к нашей теме не относятся. Для темы достаточен сам факт наличия сознания, а это единственное, что не вызывает вопроса и сомнения: сознание существует. Коль скоро сознание появляется после нашего рождения, то оно «растет» в нас и при нашем непосредственном присутствии — следовательно, «растет» вместе с нами, проходит те же ключевые этапы становления, которые маркируют наш биологический возраст и социальный статус. Поэтому, чтобы говорить о происхождении свободы, ее непременно нужно связать с сознанием.

История свободы берет начало с понимания факта присутствия социума в становлении человека. Указанный факт может иметь место лишь при наличии механизма сознания. Осознание себя уникальным может гарантировать только сознание. С сознанием связаны социальные оценки себя и других. Достаточно вспомнить, что отношение индивида к себе никогда не бывает непосредственным, независимым от социально-нравственной необходимости.

Способность реализации свободы в самоуважении и достоинстве связаны также с формированием высшего уровня сознания, с моральным сознанием. Процесс становления сознания будет незаконченным без оформления его

логического конца — самосознания, которое предстает как вершина сознания. Оно представлено такими содержательными пунктами, как идентификация, социально-культурная самооценка и самоуважение. В современных условиях становлению полноценной *идентификации* мешает постмодернистская доминанта дивидуальности/многоликости, востребованная виртуально-сетевой культурой. Идентификация складывается из психологического и морфологического самоузнавания, половой определенности и культурной принадлежности. *Социально-нравственная самооценка* нивелируется в антагонизме Я-интимным и Я-другим (социокультурным представителям в сознании человека). Неполноценное становление единой Я-структуры лишает сознание целостности и определенности, оно неспособно организовать руководство в автономном режиме. Управление Я-интимного и Я-другого становится доступным со стороны и лишает сознание самодостаточности. Отсюда *самоуважение* не базируется на внутреннем диалоге между ними и сам диалог оказывается вынесенным на публику, т.е. незаконно обнародованным, что указывает на его крайнюю утилитарно-меркантильную природу, которая выворачивает и опустошает духовный мир человека, отнимает право на внутреннее уединение и личную духовную практику. Такое самосознание не гарантирует полноценного присутствия индивида в социуме на базе интериоризированных социокультурных норм, которые могли бы стать не только принципами новой архитектуры духовной крепости, но и кирпичиками внутреннего мира личности, основой ее социальной значимости и уникальности. Ведь общепринято, что основу индивидуальной свободы составляют личные познавательные достижения и плоды личного опыта. Это то, что отличает позицию личности как от ее доиндивидуального состояния, так и от общепризнанного и общепринятого. Так, сознание в данном контексте есть единственный в своем роде способ определения положения человека в мире, что и могло бы выступить гарантом его свободы.

Свобода — это воля, свобода — это выбор. Данные понятия являются базовыми для всех сфер интерпретации свободы. Апелляция к ним — обычное дело как в повседневной практике, так и в политических, экономических и юридических сферах жизнедеятельности. Однако необходимо отдельно сделать примечание о том, что в этих сферах общественной жизни свобода воли и свобода выбора принимаются как некоторые фантомы клишированного мышления без тени присутствия в них «родного», естественного содержания понятия «свобода». Потому неудивительно, что в каждом конкретном случае они вкладывают в него или общественное ситуативно-полезное, или субъективно-выгодное содержание.

В постановке вопроса о свободе воли философия решает проблему определенности или самоопределенности чело-

века в собственных поступках и в суверенности мышления. Свободу выбора непременно сопровождают естественные ограничения: временные, экономические, социальные и политические, обнаружение которых индивидуальное сознание принимает в качестве повода нивелировать ценность свободы. Естественная ограниченность может явиться в виде физиологических особенностей и возможностей человека. Человек не выбирает, когда родиться и сколько жить, где родиться и в какой семье, родиться мужчиной или женщиной и др. Отсюда, свобода никак не имеет абсолютного выражения, что разочаровывает максимализм незрелого рассудка, фундамируя девальвацию свободы личности (произвол, самовольство, волюнтаризм). Человек свободен лишь в узкой полосе заданных необходимостей, в заданном пространстве реальных возможностей. Последствия реализации свободного выбора однозначно сопряжены не только с ответственностью, но и с диалектическим противоречием, что со стороны субъекта мысли требует глубокой рефлексии собственного положения в мире. Как утверждает И. Кант: «...хотя свобода и не есть свойство воли по законам природы, тем не менее нельзя на этом основании утверждать, что она совсем свободна от закона; скорее, она должна быть причинностью по неизменным законам, но только особого рода; ведь в противном случае свободная воля была бы бессмыслицей» [5. С. 290].

Свободу можно измерить, она имеет количественную меру. Величина свободы строго зависит от величины ответственности. Мера ответственности находится в прямой зависимости от той меры свободы, которую человеку делегирует общество или человек сам делегирует себе. Большая свобода — большая ответственность. При несоблюдении данной закономерности добровольно (из-за отсутствия мужества, чувства долга, совести, достоинства или наличия злонамеренности) общество заставляет личность нести ответственность в формах принудительного отъема свободы (юридическая ответственность, самосуд).

Свобода — это суверенная реакция на необходимое положение вещей и понимание этого факта. Спиноза определял свободу как глубокое познание необходимости и использование результатов этого познания [6]. Уровень человеческой свободы ставится в прямую зависимость от степени и глубины понимания необходимости. В данном контексте познание природы самого человека, его страстной природы не исключается в силу того, что сам человек как часть природы — объект познания. Необходимость выступает не только в виде данности объективной реальности, но и в виде тех социальных необходимостей, которые работают на сохранение вида. Как писал Гегель, «Всеобщая моральная обязанность во мне как в свободном субъекте есть в то же время право своей субъективной воли, моего образа мысли» [7. С. 327].

В наше время популярное в обиходе слово «эффективность» становится практическим суррогатом необходимости осознания действительности. К примеру, когда сокращают дворников как неэффективную статью расходов, то такая эффективность работает против очевидного на уровне здравого смысла, положения: труд дворника абсолютно востребован и потому необходим для общества. Ровно так же обстоят дела, когда говорят о больших деньгах, вывезенных в офшоры, или когда пытаются убедить в том, что «эффективный менеджер имеет право на стратегическую ошибку» (А.В. Дворкович, заместитель председателя правительства РФ в 2012–2018). Извращенное, крайне утилитарное понимание необходимости приводит к чудовищным результатам в социальном и духовном бытии.

Свобода – это самоограничение. В качестве фундаментального и неотчуждаемого свойства человека свобода является основой его видовой определенности. Главное здесь – не сторонняя определенность (Бог, природа), не подаренное качество со стороны. Человек рождается лишь с предрасположенностью к свободе, тесно связанной с феноменом сознания. Состоится ли свободная личность или нет, во многом зависит от самого человека. Другими словами, духовно-нравственный рост находится в тесной связи с желанием, амбициями, соблазном личности. Речь идет не о *биологическом* росте или *социальном* становлении, которые так или иначе предопределяют личные качества индивида со стороны (биологические и генетические склонности; социализация как выполнение социального заказа на формирование востребованного типа субъективности), а о *духовно-нравственном* рождении человека, которое может случиться строго добровольно, согласно лишь индивидуальным возможностям и степени желания, что предстает как высшая форма самореализации личностного потенциала.

Возможные внешние (со стороны общества) ограничения лишь унижают достоинство зрелого человека и аннулируют его права на обладание и реализацию естественной сущности. Подаренная, пришедшая со стороны свобода – уже не свобода, а демонстрация зависимости. Свободу не дают, не дарят, свободу не берут, не захватывают, ее достигают через духовный труд. Делегирование себе лишних прав и свобод (делаю что хочу) требует исключительной ответственности, отсутствие или недостаток которой заканчивается духовной трагедией или принудительными (юридическими) формами ответственности.

Следовательно, свобода – сугубо внутреннее состояние личности, а ее внешняя атрибутика скорее искажает и уничтожает ее смысл, нежели открывает возможность ее понимания. Она – результат не адаптации, а разумного трансцензуса в сущность человека, связанного с духовно-нравственным трудом. Принципиально социальная сущ-

ность человека ставит его в естественную зависимость от социума лишь потому, что является продуктом становления социума. «...Свобода состоит именно в том, что мне не противостоит никакое абсолютно другое, но я завишу от содержания, которое есть я сам» [8. С. 152].

Ведь если человек живет на необитаемом острове, ему свобода не нужна, здесь его существование почти полностью укладывается в животное состояние. Именно в социуме, в обществе себе подобных у человека появляется нужда в свободе. Только здесь свобода воли становится проблемой, и прежде всего потому, что *общество производит условия существования свободы*. Здесь рождается истинный феномен свободы, который заключается в самоограничении.

Через ограничения себя в результате глубокого понимания данной человеку необходимости, через подчинение безусловному внутреннему желанию оставаться в статусе человека личность подтверждает статус-кво. Самоограничение имеет прямое отношение к пониманию собственного достоинства и принципиальному нежеланию считаться с внешними факторами своего определения. Внутренняя самоопределенность является достаточным основанием не делать того, что ниже человеческого достоинства. Здесь даже мысленное наличие образа (Бог, человек, общество) нивелирует событие свободы, мешает видеть ее объем ясно, тем самым «размазывает» ее по надуманным инстанциям, от которых она якобы зависит.

Свобода как Богоподобие. Свобода – одна из трех (разум, свобода и творчество) фундаментальных характеристик человека, которые определяют его богоподобность. Наряду с наличием разума и творческих способностей, свобода определяет родовые признаки человека, выводящие его из животного царства и позволяющие притязать на природу Бога.

Вопреки очевидности этой мысли, нередко ищут внешнее сходство человека и невидимого Бога. На этой же основе награждают Его человеческой морфологией. Тем не менее в Книге Книг немало мест подробного толкования богоподобности. О свободе как о божественном признаке человека в наиболее концентрированном виде можно прочитать в послании святого апостола Павла к римлянам. Разводя подходы Ветхого и Нового Заветов к вопросу о свободе, апостол показывает уникальную особенность Нового Завета, и при этом убедительно настаивает на их генетической связи. Ветхий Завет стоит на соблюдении закона Моисея, который полностью разъясняется через понятие греха и возложение ответственности, а Новый закон стоит на благодати, и свобода действия отдается на откуп человеку.

Наставление Моисея носит характер прямых указаний – «делай так», «не делай так», чтобы не впасть в грех, не переступить запреты. В результате грех оказывается не только мериллом поступков, но и основным событием, побуждающим к покаянию и осознанию собственной не-

преходящей греховности, закрывающей путь к праведности. Другими словами, основным назначением человека оказывается сопротивление злу и греху, а не праведность и служение добру. Причина подобного распределения степени значимости между грехом и праведностью заключается в самом факте *внешнего действия закона* – нормативная база праведности и перст указующий находятся не внутри добродетели, а вне ее. Со слов апостола Павла, данное положение дел вполне оправдано для начального этапа становления полноценной личности или становления избранного народа (например, иудеев, которые вышли из Египта толпой, а через сорок лет вошли на землю обетованную народом, т.е. субъектом и носителем уникальной культуры). Апостол Павел вспоминает, что когда-то евреи вообще жили без закона и потому не имели понятия греха, но потом пришла заповедь и только здесь грех ожил. Грех может исчезнуть только в том случае, если человек умрет для закона. Другими словами, необходимо перерождение, возрождение, нужно умереть для выхода из греха: «...грех, оказывающийся грехом потому, что посредством доброго причиняет мне смерть, так что грех становится крайне грешен посредством заповеди. Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан греху» [9. Рим. 7:10-11, 13-14]. Поступательное развитие и совершенствование человеческой природы, избранность и разворачивание постулата богоприродной сущности со временем потребовали полной реализации вложенного в человека потенциала: освобождения от греха и свободной реализации истинной божественной сути человека, которую Библия видит в благодати.

Здесь уместно вспомнить еще об одном знаковом библейском событии – Адаме и Еве, поселившихся в Эдеме, и запретном плоде – испытании человека на прочность, что не имело ничего общего с игрой. Наличие запретного древа в Эдеме – это демонстрация открытой программы человеческого бытия и символический образ свободы выбора. Если к этому добавить еще то, что о грядущих событиях Адам и Ева были осведомлены, предупреждены, то получается, что они намеренно были поставлены перед необходимостью непосредственной реализации свободы воли, что одновременно символизирует пуск открытой программы человеческой сущности. И последнее: если бы люди не отведали запретного плода и тем самым не реализовали бы свою свободу выбора именно *таким* образом, то человеческая история никогда бы не началась. Оставаясь в Эдеме, пусть даже по собственной воле, человек никогда бы не построил мир собственных возможностей. Под властью и опекой Бога он бы располагал истиной в последней инстанции, трансцендентным знаменателем в конкретно персонифицированном виде, и потому никогда бы не сомневался в правоте своих действий и помыслов. В этом не было бы ни нужды, ни необходимости.

В этом случае человек никогда бы не познал своего состояния в качестве личности, не оказался бы перед решением проблем добра и зла, прекрасного и безобразного, распознавания истины, заблуждения и лжи. Как писал П. Флоренский: «Свобода *Я* – в живом творчестве своего эмпирического содержания; свободное *Я* сознает себя *творческой субстанцией* своих состояний, а не только их *гносеологическим субъектом*, т.е. сознание себя действующим виновником, а не только отвлеченным подлежащим всех своих сказуемых... *Я* может возвышаться *над* условиями эмпирического, и в этом – доказательство высшей, не-эмпирической его природы» [10. С. 217].

Человек в Эдеме как мыслящий организм изначально находится в формате неосознанного разума; это состояние невежественного мудреца, интуитивной просветленности. Есть высшее предназначение, о котором человек либо не подозревает, либо верит в целесообразность и закономерность всего происходящего, что совершенно не нуждается в пояснительно-понимательной специфике отражения-освоения. Такое «богоподобное» существование никак нельзя назвать человеческим. Для формирования наличного бытия человек должен пройти все этапы становления, что оправдывает его притязания на собственную специфику бытия и возвышение до богоподобности.

Человеку за границами Эдема необходимо нажать собственный ум, дорасти до разума, т.к., сделав выбор (съев плод), он сам отвечает и за свое совершенствование, и за свою сохранность как вида, и за окружающую его природу, в которой он существует. Это та открытая, непредсказуемая программа, которая полностью зависит от человеческого выбора. Сама же социальная сущность развертывания свободы раскрывается в рассудочно-моральной и правовой организации человеческой жизни. Человеку даны лишь врожденные возможности осуществления собственной воли (неважно, связано ли это с историей съеденного недозволенного плода или с некоторой закономерностью всепорождающей природы) и такие же возможности осознания результатов, последствий и прогнозов. Главное, что с этого начинается история не только свободы, но и осознание человека человеком. За Эдемом – исток собственной истории человека.

Для Бердяева «свобода есть метафизическая первооснова истории» Именно в мистории свободы в человеке рождается Бог, а в Боге – человек. Происходит открытие Бога человеку и человека Богу [11. С. 72]. Таким образом, свобода – исторический творец мира. Свобода одна может помочь «миру, отпавшему в состоянии неистинности, а потому смертности, прийти в разум истины». Прав С. Булгаков, утверждая, что «Свобода распространяется лишь на *ход* исторического процесса, но не на его *исход*» [цит. по: 11. С. 858]. И это совсем не удивительно. Свободный ход

истории может привести только к строго определенному исходу, который полностью детерминирован предыдущим свободным ходом. И только от благоразумия человека, от способности правильного осуществления данной ему свободы зависит и ход, и исход, и состояние его истории.

Утверждение, что источник зла лежит в самом Абсолюте, ничем не подкрепляется. Разделение Абсолюта, диалектика бытия и небытия как «драмы бытия» однозначно говорят о том, что вторая ипостась Абсолюта в виде мировой души, или всеединства, обладающего свободой и непредсказуемостью, может быть рассмотрена в качестве реальной основы и возможности зла. Однако, по мнению В. Зеньковского, даже такая неотвратимая потребность Абсолюта иметь рядом с собой свое «другое», как «реальный» мир, уже расценивается как содержание зла в самом Абсолюте [12. С. 478]. Само по себе иметь свое «другое» – это не зло! Анализ диалектических взглядов многих русских философов по данному вопросу показывает, что в данном контексте это всего лишь необходимый, временный, побочный эффект становления, обожения (совершенствования) человека. Как писал К. Ясперс: «Бог не действует повсюду в этом мире. Он не был творцом этого падшего мира, он не действует и не присутствует в чуме и холере, в ненависти, терзающей мир, и в убийстве, в войнах и насилиях, в попирании свободы, в тьме невежества. Подобное учение и вело к атеизму» [13. С. 135].

Заключение

Становится очевидным, что, вопреки расхожим представлениям, процесс становления человека осу-

ществляется в три этапа, а не в два (биологический, социальный). *Биологическое* рождение обеспечивает принадлежность человека к роду и его укорененность в материальной предметности и в животной сущности. *Социальное* рождение человека полностью связано с его очеловечиванием, социализацией, выводом из животной предопределенности, с возбуждением потенции к возникновению сознания, разума и прозрения, к обладанию свободой воли и к созидательной деятельности. Одним словом, так называемая необходимая, автоматически разворачиваемая программа становления человека на этом заканчивается, что нередко воспринимается как конец эволюции и становление зрелости. Между тем данный этап – лишь условие для главного события в процессе созидания полноценного человеческого индивида.

Грядущее, абсолютно возможное, но не безусловное рождение человека предстает как осуществление индивидуальной воли личности и лишь как следствие данного акта (желания, воли) сделать совершенным собственный проект человека, получить *духовное* рождение. На данном этапе человеческого становления в полной мере раскрывается целесообразность его прихода в мир, его миссия разумного существа и демонстрация богоподобности – созидателя. Лишь духовное становление позволяет человеку реализовывать свободу воли, применять исключительную разумность, которая смыкается с мудростью, и реализовать свою деятельную сущность творца в высшем нравственном понимании добра как самоутверждения человечности.

Литература

1. Платон. Государство // Платон. Сочинения в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1971. С. 89–454.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 376–643.
3. Дидро Д. Сочинения в 10 т. Т. 1. Философия. М.–Л., Academia, 1935. 498 с.
4. Кант И. Соч. в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 798 с.
5. Кант И. Соч. в 6 т. Т. 4. Часть 1. М.: Мысль, 1965. 542 с.
6. Спиноза Б. Трактат об усовершенствовании разума // Спиноза Б. Сочинения в 2 т. Т. 1. СПб.: Наука, 2006. С. 215–251.
7. Гегель Г.В.Ф. Философия духа. Часть третья // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М.: Мысль, 1977. 470 с.
8. Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 433 с.
10. Библия.
11. Флоренский П. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990, 837 с.
12. Бердяев Н. Смысл истории. М.: Мысль, 1991. 173 с.
13. Зеньковский В. История русской философии. М.: Академический Проект; Раритет, 2001. 878 с.
14. Ясперс К. Смысл и постижение истории. М., 1991. 527 с.

References

1. Plato. Republic. In: Plato. Works in 3 vols. V. 3. Moscow: Mysl, 1971. P. 89–454.
2. Aristotle. Politics. In: Aristotle. Works in 4 vols. V. 4. Moscow: Mysl, 1984. P. 376–643.
3. Diderot D. Works in 10 vols. T. 1. Philosophy. Moscow-Leningrad: Academia, 1935. 498 p.
4. Kant, I. Works in 6 vols. V. 3. Moscow: Mysl, 1964. 798 p.
5. Kant, I. Works in 6 vols. V. 4. Part 1. Moscow: Mysl, 1965, 542 p.
6. Spinoza, B. Treatise on the Emendation of the Intellect. In: Spinoza, B. Works in 2 vols. V. 1. St. Petersburg: Nauka, 2006. P. 215–251.
7. Hegel, G.W.F. Philosophy of Spirit. Part Three. In: Hegel, G.W.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. V. 3. Moscow: Mysl, 1977. 470 p.
8. Hegel, G.W.F. Science of Logic. In: Hegel, G.W.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. V. 1. Moscow: Mysl, 1975. 433 p.
9. Bible.
10. Florensky, P. The Pillar and Ground of the Truth. Moscow: Pravda, 1990, 837 p.
11. Berdyayev, N. The Meaning of History. Moscow: Mysl, 1991. 173 p.
12. Zenkovsky, V. History of Russian Philosophy. Moscow: Academic Project; Raritet, 2001. 878 p.
13. Jaspers, K. The Origin and Goal of History. Moscow, 1991. 527 p.